

Литературное обозрение

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1973 г.

11

1981

Главный редактор — Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Редколлегия: Гурам АСАТИАНИ,
Вадим БАРАНОВ,
Альберт БОГДАНОВ,
Чингиз ГУСЕЙНОВ,
Сергей ДАРОНЯН,
Валерий ДЕМЕНТЬЕВ,
Игорь ДЗЕВЕРИН,
Николай ЗАДСРНОВ,
Георгий ЗЛОБИН,
Владимир ЗОЛОТАВКИН,
Игорь ЗОЛОТУССКИЙ,
Леонид ИВАНОВ,
МухамеджанКАРАТАЕВ,
Лазиз КАЮМОВ,
• Зоя КЕДРИНА,
Виталий КОРОТИЧ,
Феликс КУЗНЕЦОВ,
Валентин ОСКОЦКИЙ,
Михаил ПАРХОМЕНКО,
Никифор ПАШКЕВИЧ,
Владимир ПИСКУНОВ,
Тимофей ПРОКОПОВ
(ответственный секретарь,
Миколас СЛУЦКИС,
Валентин ХМАРА
(заместитель главного редактора),
Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ,
Борис ЯКОВЛЕВ
(первый заместитель
главного редактора)

В НОМЕРЕ:

Заметки В. БОЛЬШАКОВА о современной публицистике на международные темы (стр. 3).

Статьи, обзоры: В. ХАБИНА о теме революции в прозе последних лет (стр. 9), Игоря ТАРАСЕВИЧА о поэзии в журнале «Литературный Азербайджан» (стр. 13).

Разговор о прозе 70-х продолжает П. ЗЕЙЛЕ (стр. 22).

К 160-летию со дня рождения Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО — статьи В. ДНЕПРОВА (стр. 28), Ю. КАРЯКИНА (стр. 34), Н. ЛИСОВСКОЙ (стр. 102); в «Литературном архиве» — новые материалы о творчестве писателя (стр. 107).

Беседа корреспондента «ЛО» с заслуженной артисткой РСФСР Натальей ГУНДАРЕВОЙ (стр. 96).

Т. ОРНАТСКАЯ, В. ТУНИМАНОВ

Рукою Достоевского

Редакция «Литературного наследства» во вступительной заметке к 86-му тому («Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования») с чувством вполне понятного удовлетворения писала, что ранее изданные со 77-й («Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи») и 83-й («Неизданный Достоевский») тома ввели в научный оборот почти 50 листов новых текстов писателя. Заслуга «Литературного наследства» поистине велика — и труд большого коллектива ученых был высоко оценен во всем мире. Научное описание рукописей Достоевского (под ред. В. С. Нечаевой) и публикации новых текстов создали необходимые предпосылки для издания полного академического собрания сочинений писателя.

И все же, воздавая должное редакции «Литературного наследства», мы вынуждены признать, что увидели свет главным образом именно неизданные тексты Достоевского, о существовании и месте нахождения которых было хорошо известно по детальному научному описанию рукописей Достоевского.

Меж тем большое количество творческих рукописей Достоевского, о которых существуют очень авторитетные свидетельства самого писателя и его современников, обнаружить до сих пор не удалось. Мы знаем о ранних драматических замыслах писателя («Мария Стюарт», «Борис Годунов»), о переводе им романа Ж. Санд «Последняя Альдини», интенсивной работе над повестью «Скрытые бакенбарды» и «Повестью об уничтоженных канцеляриях», но даже наброски ко всем этим произведениям 1840-х годов до нас не дошли. Плохо сохранилось и рукописное наследие Достоевского 1850-х годов, должно быть, большая часть рукописей была писателем уничтожена или погибла, как, например, письма к А. Н. Плещеву. Приходится, к сожалению, предполагать, что тысячи писем Достоевского безвозвратно утрачены — в последние годы, если и обнаруживались его письма, то преимущественно 1870-х годов.

Еще в 1860-е годы затерялась при пересылке статья Достоевского «Знакомство мое с Белинским», и, похоже, навсегда затерялась. При каких-то непонятных обстоятельствах исчезла значительная часть рукописей к роману «Братья Карамазовы». «Мартиолог»

можно было бы значительно расширить, но необходимости в этом нет. Призыв редакции академического собрания сочинений ко всем лицам в СССР и за рубежом, располагающим новыми автографами Достоевского или сведениями о возможном их местонахождении, помочь издателям не дал сколько-либо ощутимых результатов. Поток публикаций новых рукописей Достоевского в последние годы заметно уменьшился. Сегодня любой новонайденный автограф писателя — событие чрезвычайное.

Конечно, о потерянных рукописях Достоевского можно только горестно сожалеть, но, надо сказать, немало загадочных и темных мест имеется и в сохранившихся материалах, в том числе уже изданных в «Литературном наследстве» и в собрании сочинений. Черновые рукописи Достоевского нередко с большим трудом поддаются прочтению. Конечно, таких темных мест немало и в рукописях других писателей — разным прочтениям (и соответственно разным осмыслениям) неразборчиво или запифрованно начертанных Пушкинским слов посвящено много статей и заметок. В пушкиноведении такого рода научные споры имеют давнюю историю, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Исследование рукописей Достоевского не достигло еще такой зрелой стадии — здесь просто непочатый край для работы и возможности самых неожиданных открытий новых фактов жизни и творчества писателя.

От ошибок не застрахованы даже очень опытные ученые, выдающиеся текстологи. Чтобы не быть голословными, приведем две-три иллюстрации. Среди впервые опубликованных (необыкновенно интересных) набросков к повести «Кроткая» в 83-м томе «Литературного наследства» в одном говорится о литературных увлечениях героя в детстве: «Ричард Молейир. О, я люблю поэзию, с детства, с детства. Я оставлен был один в школе, по праздникам (никогда прежде о школе) с товарищами я был не товарищ, меня презирали. Мне только что прислали 3 целковых, и я тотчас же побежал купить «Фауста» Губера, которого никогда не читал» (с. 596). Собственно, загадочен в этом черновом наброске Ричард Молейир, попавший и в именной указатель (с. 596). В комментариях о нем — ни слова, что закономерно. «Молейир» — это не известное лицо; это не вполне

отчетливо начертанное Достоевским имя «Шекспир», что удалось прочесть и в чем можно убедиться, ознакомившись с воспроизведенной в книге страничкой из записной тетради (с. 601). Офицер-ротовщик «Кроткой» вспоминает одну из хроник Шекспира — и остается только попытаться определить, какую именно — «Ричарда И» или «Ричарда III» — так хорошо еще в детстве запомнил герой. Понятным становится и то, почему он, заботясь об эстетическом воспитании Кроткой, «купил Шекспира» (слова из другого чернового наброска к повести — с. 597).

В том же томе «Литературного наследства» с недоумением обнаруживаешь слова Достоевского из «Записной тетради»: «В загибании перед Григорьевым» (с. 154). Фраза странноватая и грамматически нелепая. При дамысливании она может наподобить на размышления о характере отношений между А. Григорьевым и Ф. Достоевским, заставляет предположить какую-то полемику не то с противниками, не то с единомышленниками критика. Недоумения исчезают после реконструкции предложения Достоевского. Перед нами просто скрашенная запись адреса Григорьева: «В Загибен *<ином>* персул *<ке>* Григорьев».

Обе названные ошибки будут исправлены в выходящем сейчас полном собрании сочинений Достоевского. Исправления войдут соответственно — в 24-й («Шекспир») и 27-й («Загибенин переулок») тома.

И еще один пример. В 1861 году Достоевский составил программу будущих литературно-критических статей. Одну из них он озаглавил «Портреты литераторов», в основных чертах наместит ее содержание: «Эгоизм и так называемое направление». Катков, Милков, *ambition rentrée*, промахи... 50 р. «Светоч», Пирогов, «Современник» — но что молчат рты из «*R* <усского> вести <ика>, личности и портреты а *la Mюнхаузен*» («Литературное наследство», т. 83, с. 126).

Вопросительный знак говорит о трудностях, с которыми столкнулся публикатор, расшифровывая текст Достоевского. И действительно — прочтение весьма приблизительное, неудачное. К счастью, удалось точно разобрать слова писателя, исправив в 20-м томе выходящего сейчас собрания допущенные ошибки:

«Эгоизм и так называемые направления» Катков, Милков, *ambition rentrée* промахи... 50 р. «Ублей» «Светоч», Пирогов, «Современник» — на что может решиться «R <усский> вести <ик>», личности и портреты *a la Жемчужников*» (с. 153).

Эти иллюстрации приведены вовсе не для того, чтобы показать, какие ошибки допустили ученые, подготовившие рукописи Достоевского к публикации в томах «Литературного наследства» и насколько превосходны в исправлении допущенных там ошибок их коллеги, готовя те же тексты для собрания сочинений. Ошибаются все, тем более «пионеры». Приблизительное прочтение — вещь обычная, а иногда и неизбежная. Но, хотя, как любил говорить Достоевский, «ошибку в фальшив не ставят», ошибки все же необходимо по возможности исправлять. Сделать же это нередко очень непросто: ведь, как правило, ошибочно или приблизительно читаются особенно трудные места рукописей, часто поврежденные, полуистертые. Вот почему отчасти далеко не все творческие рукописи Достоевского были опубликованы в «Литературном наследстве», да нередко встречаются и в томах собрания сочинений вопросительный знак или даже просто прискорбное *ирб*. А значит, и в известных нам рукописях Достоевского все еще немало неизвестного и загадочного, говоря вообще и абстрактно. Но лучше любых рассуждений — исследования конкретные, факты. К ним и перейдем.

Первый этап — об одном слове в рукописях Достоевского, о которое споткнулось несколько поколений ученых. Второй — посвящен нескольким впервые публикуемым в собрании сочинений черновым наброскам к статье Достоевского о Некрасове 1877 года,

«EHEU»

В хорошо известной и исследованной «Сибирской тетради» Достоевского (сам он называл ее своей «тетрадкой катаржной») почти все записи фольклорные. Среди них, однако, явственно выделяются пометы личные, биографические, которые, как предполагается в комментариях к четвертому тому собрания сочинений, «возможно, имели особое значение для писателя» (с. 310). Предположение высказано осторожно. Это и понятно — не все в биографических записях удалось прочесть. Вот как выглядит биографический слой «Сибирской тетради» в последней, самой точной и выверенной публикации:

<1 ирб.> 5 июля.
<1 ирб.> 28 августа.
<1 ирб.> 20 марта.
<1 ирб.> 8 мая.
17 августа.
(26 сентября <18> 56. Ожидание).
(18 октября <ря>.)
(19 декабря <18> 56. Надежда!)
<1 ирб.> Отъезд М. 6 сентября <я> <1> 860,

Публикаторы обоснованно отвергли неуверенно предложенные Л. П. Гроссманом прочтения. Ученый в конце публикации тетради в «Звеньях» писал: «Перед некоторыми датами стоит трудно поддающееся расшифровке обозначение: «Елеи» или «Елен». Мы заменили его несколькими точками ввиду неуверенности чтения». Но в одном из случаев употребления загадочного «обозначения» вторая буква написана совершенно отчетливо как латинское «и», что и позволяет прочесть все слово: «eheu», то есть междометие «увы» — грустная помета Достоевского. После реконструкции и восстановления пропущенных звеньев биографические записи Достоевского выглядят так:

<1855 г.>
(eheu!)
(Eheu 5 июля)
(Eheu! 28 августа)
<1856 г.>
Eheu 20 марта
Eheu! 8 мая
17 августа
(26 сентября <18> 56. Ожидание.)
(18 октября <ря>.)
(19 декабря <18> 56. Надежда!)
<1857 г.>
(И мая)
<1860 г.>
(Eheu. Отъезд М <аши>. 6 сентября <я> <1> 860),

Теперь уже можно с полным правом утверждать, что все десять биографических записей в «Сибирской тетради» имели особое значение для Достоевского. Более того, это своего рода зашифрованный дневник чувств писателя: перечень дат имеет самое прямое отношение к Марии Дмитриевне Исаевой, будущей жене Достоевского. Расшифрованное слово «eheu» сразу же резко изменило всю картину: сухие цифры стали «живыми» — за ними эмоциональные бури, горести и надежды ссылочного Достоевского.

Первую запись, вероятнее всего, следует датировать концом 1855 года, когда состоялся отъезд семьи Исаевых в Кузнецк. 4 июня Достоевский с глубокой печалью писал Марии Дмитриевне: «Вот уже две недели как я не знаю куда деваться от грусти <...> Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и скончили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого». Вторая поэтическая — июльская — вызвана той же непроходящей тоской. Запись от 28 августа тесно сопряжена с драматической ситуацией, в которую попала Исаева после внезапной смерти мужа. В те дни Мария Дмитриевна писала Достоевскому очень часто. А Достоевский делился печальными новостями со своим другом А. Е. Врангелем, которому он сообщал 14 августа: «Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь расстроен <...> Несчастная Мария Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях <...> Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и вы, чужой человек, но человек с сердцем заплачали бы <...> Похоронили бедно, на чужие деньги (нашли добрые люди), она же была как без памяти. Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем. Несколько дней и ночей она не спала у его постели <...> У нее ничего нет кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. «Нужда руку толкала принять», — пишет она, — и принял... помяни!» На «бездыханную тоску» жаловался Достоевский брату Михаилу в письме от 21 августа. Письма Марии Дмитриевны — первопричина этой неподвижной августовской тоски.

Записи от 20 марта и 8 мая 1856 года отражают душевые терзания Достоевского, вызванные известиями о предполагаемом замужестве Марии Дмитриевны и тягостным ожиданием перемены положения, а его могло дать лишь получение офицерского чина. Слухом о том, что Мария Дмитриевна дала слово выйти замуж другому, Достоевский был поражен, «как громом». И еще больше потрясен он был письмом от самой Исаевой. Потянулись самые черные и безрадостные дни Достоевского в ссылке. Из большого, взволнованного его письма к Врангелю (23 марта 1856 г.) очевидно, что Достоевский приблизился к последнему пределу отчаяния, безысходного, так как, будучи солдатом, он и предпринять ничего не мог. «Неподвижная я в моей голове! Едва понимаю как живу и что мне говорят. О не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! <...> Но рассудите: что же делать было ей бедной, заброшенной, болезненно-минутельной и наконец потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. <...> Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельный, ночью сны, вскрикивания, горловая спазма душит меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем».

Рядом с последующими записями слово «eheu» отсутствует: Достоевскому обещали скорое получение офицерского чина; ожили и надежды на брак с Исаевой. Приказом от 1 октября 1856 года Достоевский был произведен в прaporщики; венчание его с Марией Дмитриевной состоялось 6 февраля 1857 года. «Eheu» вытеснили другие слова: «ожидание», «надежда».

Страница черновика романа «Преступление и наказание».

Интересно происхождение последней записи, относящейся к 1860 году. К этому времени «Сибирская тетрадь» перестала быть рабочей. Достоевский возвращается к оставленной в декабре 1857 года тетради, чтобы обозначить еще одну печальную дату: к сентябрю 1860 года совершился переезд неизлечимо больной Марии Дмитриевны в Москву. Далее идет полоса их раздельной жизни. Достоевский живет в Петербурге, лишь иногда совершая поездки к жене. Так продолжалось до 1863 года — последние месяцы жизни Марии Дмитриевны Достоевский проводит подле нее. А. Н. Майков, посетивший Достоевских незадолго до ее смерти, был удручен увиденным. «Мария Дмитриевна ужасно как сделала с виду то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице <...> Федор Михайлович все теплит ее разными вздориками, портмонейчиками, шкатулочками и т. п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картина вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей» («Литературное наследство», т. 86, с. 393).

Помимо «Сибирской тетради», помета «eheu» встречается еще три раза в рукописях Достоевского. Она стоит при дате 24 июля («Записная книжка 1863—1864 гг.»). В этот день были получены от Literaturного фонда взаймы 1500 рублей, необходимые для совместного путешествия Достоевского с Аполлонией Сусловой, ожидавшей Достоевского в Париже. Казалось бы, никаких оснований для грусти нет. Логично предположить, что «eheu» здесь, на пороге новых отношений с Сусловой, воспоминание об уже отошедшей в прошлое сибирской любви Достоевского.

Вновь появляется «eheu» рядом с датой 16 апреля 1864 года в маленьком дневнике трагических событий последнего времени:

«25 ноября <18> 63 выезд из Москвы.

16 апреля <1864> (Eheu!)

10 июля, в 7 часов утра — смерть брата Миши.

2 августа. Утро в Павловске. Жарко. Дворянск<ое> гнездо (начало). Маша, брат, будущность, потом настоящее».

16 апреля умерла Мария Дмитриевна — заключительный скорбный штрих в своеобразном дневнике Достоевского.

Еще один раз «eheu» поставил Достоевский рядом с датой 25 сентября 1864 года (в 83-м томе «Литературного наследства» прочтение «Елец!»). В этот день умер Аполлон Григорьев, и запись с ее скрытым значением подчеркивает тяжесть утраты для Достоевского. Аполлон Григорьев — «бесспорный и страстный поэт», «правдивый, высоко честный писатель» — из всех сотрудников «Времени» и «Эпохи» был особенно дорог Достоевскому. Вновь оживает «шифровая» запись, вплетаясь в небольшой, но драгоценный ряд дневниковых помет Достоевского, с которыми мы обязаны считаться как с важным биографическим источником.